

На правах рукописи

Иванчин Артем Владимирович

**УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ КОНСТРУКЦИИ И ИХ РОЛЬ
В ПОСТРОЕНИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

Специальность: 12.00.08 – уголовное право
и криминология; уголовно-исполнительное право

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Екатеринбург - 2003

Диссертация выполнена на кафедре уголовного права и процесса
Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова

Научный руководитель:

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации

Кругликов Лев Леонидович

Официальные оппоненты:

доктор юридических наук, профессор

Сундуков Федор Романович

кандидат юридических наук

Курченко Вячеслав Николаевич

Ведущая организация:

Ивановский государственный университет

Защита состоится «27» февраля 2003 г. в 15 час. на заседании диссертационного совета Д.212.282.03 по присуждению ученой степени доктора юридических наук в Уральской государственной юридической академии по адресу: 620066 г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Уральской государственной юридической академии

Автореферат разослан «24» января 2003 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор юридических наук, профессор

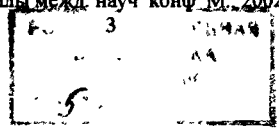

З.А. Незнамова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Совершенствование уголовного законодательства, как и прежде, не теряет своей актуальности. В период разработки Уголовного кодекса Российской Федерации основное внимание было направлено на определение существа уголовно-правовых предписаний. В условиях острой полемики вносились предложения о включении в уголовный закон одних составов и исключении «отживших свой век», шли споры о том, какой быть системе наказаний и т.д. В итоге вопросы законодательной техники оказались отодвинутыми на второй план. Однако с тех пор прошло без малого семь лет. Думается, что настала пора надлежащим образом поставить и разрешить и эти вопросы. Не случайно, законодательно-техническое совершенствование УК признается одним из главных направлений развития российского уголовного законодательства в первые два десятилетия текущего века¹. Данный факт диктует необходимость исследования инструментов решения этой задачи – средств, приемов и правил законодательной техники. Ряд из них (правовой язык, примечания и т.д.) достаточно глубоко и обстоятельно изучен и теорией права, и отраслевыми юридическими науками. В то же время в теории законодательной техники остаются «белые пятна». К последним, вне сомнения, относится учение о юридических конструкциях в целом и уголовно-правовых, в частности. Неучет законодателем общей структурной модели ряда уголовно-правовых феноменов негативно сказывается на качестве уголовного законодательства. Напротив, опора на уголовно-правовые конструкции приносит полноту и системность в процесс регламентации преступлений, наказаний, видов освобождения от уголовной ответственности и других явлений. Следует добавить также, что теория законодательной техники содержит ряд противоречий, требующих научного осмысления и устранения. В связи с этим изучение общих вопросов техники построения уголовного законодательства, уголовно-правовых конструкций как средства данной техники и определение путей их использования в уголовном правотворчестве представляется сегодня необходимым и полезным, а потому вполне актуально.

¹ См.: Кузнецова Н.Ф. Главные тенденции развития российского уголовного законодательства // Уголовное право в XXI веке: Материалы междунауч. конф. М., 2002. С. 12.

Цель и задачи исследования. *Целью* настоящего исследования является научный анализ уголовно-правовых конструкций и их роли в процессе построения уголовного законодательства. Для достижения названной цели автор взялся решить следующие *задачи*: определить понятие законодательной техники в целом и применительно к уголовному праву, в частности; установить, какие компоненты образуют содержание данной техники; проанализировать отдельные технические компоненты и, тем самым, заложить надлежащий фундамент для выяснения их взаимосвязей с уголовно-правовыми конструкциями; дать общетеоретический анализ юридических конструкций, в рамках которого основательно изучить воззрения Рудольфа Иеринга как «первопроходца» в этой области знаний; выработать дефиницию уголовно-правовой конструкции; отграничить уголовно-правовые конструкции от сходных правовых образований; осуществить их деление и рассмотреть в отдельности каждый из полученных видов; на основе учения об уголовно-правовых конструкциях выработать предложения и рекомендации по совершенствованию законодательства.

Объект и предмет исследования. *Объектом* диссертационного исследования выступают техника построения уголовного законодательства в целом и уголовно-правовые конструкции как одно из ее средств. *Предметом* исследования являются российское современное и ранее действовавшее законодательство криминального цикла, практика его применения, отечественные акты иной отраслевой принадлежности, зарубежное уголовное законодательство, статистические данные, касающиеся исследуемых в работе проблем, а также результаты анкетирования практических работников.

Теоретическая база исследования. В процессе написания диссертации автором использовались труды отечественных и зарубежных авторов по философии, общей теории права, уголовному, уголовно-исполнительному и уголовно-процессуальному праву, криминологии, логике, лингвистике, истории. Сообразно поставленным задачам, особое внимание уделялось работам, посвященным проблемам законодательной техники, а также проблемам уголовного права, «имеющим выход» на уголовно-правовые конструкции. К ученым, внесшим заметный вклад в разработку и решение названных вопросов, относятся, в частности, С.С. Алексеев, В.К. Бабаев, В.М. Баранов, И. Бентам, Е.В. Благов, Н.А. Власенко, Р. Иеринг, Д.А. Керимов, Т.В. Кленова, М.И. Ковалев, В.П. Коняхин, Н.М. Коркунов, Л.Л. Кругликов, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузне-

цова, П.И. Люблинский, Б.А. Миренский, А.С. Пиголкин, Н.С. Таганцев, А.Н. Трайнин, Ю.А. Тихомиров, М.Д. Шаргородский, А.Ф. Черданцев.

Нормативная и эмпирическая база исследования. В качестве *нормативной базы* исследования автором использованы Конституция РФ, отечественное и зарубежное уголовное законодательство, отечественное уголовно-исполнительное и уголовно-процессуальное законодательство, а также Методические правила по организации законопроектной работы федеральных органов исполнительной власти от 10 января 2001 г. *Эмпирической основой* послужили опубликованная судебная практика, ведомственные документы судов и правоохранительных органов Ярославской области, обобщающие статистику и практику по исследуемым вопросам. По специально разработанной анкете проведен опрос 180 практических работников (судей, прокуроров, следователей и адвокатов) Ярославской области.

Методология и методика исследования. В работе над диссертацией автор руководствовался общенаучным диалектическим методом познания, применяя на его основе частнонаучные методы: формально-логический, системно-структурный, сравнительного правоведения, историко-правовой, структурно-функциональный, статистический, а также социологические методы. Особую роль сыграл *системно-структурный метод* исследования, который позволил автору вычленить уголовно-правовые конструкции (путем рассмотрения уголовно-правовых явлений в виде систем, каждая из которых имеет общую структуру).

Научная новизна исследования. До сих пор ни в теории права, ни в отраслевых правовых науках юридические конструкции не были предметом самостоятельного диссертационного исследования. Общетеоретическая литература по данной теме столь скупа (имеется лишь несколько научных статей), что учение о юридических конструкциях можно без преувеличения назвать *terra incognita* современной правовой науки. В уголовно-правовой науке такие разработки и вовсе отсутствуют. Кроме того, в теории уголовного права имеется лишь одно монографического рода исследование, посвященное законодательной технике в целом². Таким образом, в самом характере исследованных вопросов - техники построения уголовного законодательства в целом и уго-

² Семенов И.А. Законодательная техника советского уголовного права. Автореф. дис. канд. юрид. наук. Свердловск, 1983. С. 12.

ловно-правовых конструкций, в частности - выразилась научная новизна подготовленной диссертации.

Научная новизна нашла отражение и в *основных* положениях, выносимых автором на защиту:

1. Законодательная техника представляет собой систему средств, приемов и правил, используемых для наиболее точного и последовательного выражения *воли законодателя* в нормативном акте. Указанная техника применяется, таким образом, при выработке правового содержания, за исключением его сущности (законодательной воли), а также при создании внутренней и внешней формы права.

2. Законодательная техника, будучи системным образованием, включает две подсистемы: *внутреннюю* и *внешнюю* технику. Первая охватывает технические операции по переводу законодательной воли в правовое содержание и структуру (внутреннюю форму) права, а вторая - операции по внешнему оформлению этого содержания. В указанных подсистемах можно вычленить элементарные единицы (основные – *средства, приемы* и производные – *правила*), а также более крупные образования – блоки таких единиц (*методики*).

3. К компонентам внутренней законодательной техники принадлежат, в частности, методика системного построения уголовного права, методика построения состава преступления, методика построения санкции, бланкетный прием изложения уголовно-правовых предписаний. Внешнюю образуют три методики: 1) языкового оформления уголовно-правовых предписаний, 2) структуризации уголовного закона и 3) размещения уголовно-правового материала.

4. Критически должна быть оценена практика включения *уголовно-правовых предписаний* в акты *иной отрасли законодательства* (УПК, УИК, комплексные законы). Их, равно как и уголовно-правовые предписания союзных актов, не утративших своей силы, необходимо переместить в УК. Также недопустимо размещение в УК предписаний другой отраслевой принадлежности (имеющих, например, уголовно-процессуальный характер, как примечания 2 и 3 к ст. 201).

5. Уголовно-правовая конструкция – это средство внутренней законодательной техники, представляющее собой структурную модель группы однородных правовых явлений, определенную комбинацию элементов которой законодатель наполняет юридически значимой информацией, регламентируя тем

самым в уголовном законодательстве соответствующую разновидность данных явлений. Так, определенный набор элементов, образующих уголовно-правовую конструкцию преступления (деяние, последствие, причинная связь между ними и т.д.), получив соответствующий информационный заряд, становится составом какого-либо преступления.

6. Разнообразные составы преступлений и иные конструктивные образования, созданные на базе уголовно-правовых конструкций, выступают *результатом* правотворчества, а потому техническим средством не являются. Во избежание полисемии термина «уголовно-правовая конструкция» указанные образования допустимо именовать законодательными (нормативными) конструкциями или построениями (например, законодательная конструкция состава бандитизма, нормативная конструкция наказания в виде штрафа).

7. Основопологающим критерием деления юридических конструкций должен служить объект, который они отражают, т.е. определенная группа правовых явлений. Анализ действующего уголовного закона позволяет выявить с помощью указанного критерия пять видов уголовно-правовых конструкций: преступления; деяния, совершенного при обстоятельствах, исключаящих его преступность; наказания; освобождения от уголовной ответственности; освобождения от наказания.

8. Применение уголовно-правовой конструкции предполагает рассмотрение в обязательном порядке вопроса о включении или невключении каждого ее элемента в законодательную конструкцию оформляемого явления. Следствием нарушения данного правила являются «переборы» и «недоборы» элементов в созданных законодательных конструкциях. В частности, в ст. 46 и 50 УК отсутствует указание на лиц, которым нецелесообразно назначать штраф и исправительные работы. Указанного пробела можно было избежать, если при обрисовке содержания данных мер принять во внимание уголовно-правовую конструкцию наказания, содержащую элемент «субъект, подлежащий наказанию».

9. В ходе правотворчества сложилось два *основных* типа *законодательных конструкций* состава преступления: материальный и формальный. Построение состава по одному из этих типов выступает способом применения уголовно-правовой конструкции преступления, а, значит, особым приемом законодательной техники. Изучение УК показывает, что законодатель не всегда

удачно использует этот технический прием (в частности, в гл. 22 УК неоправданно широко применена конструкция формального типа).

10. Будучи задействованы в правотворческом процессе, уголовно-правовые конструкции делают законодательное регулирование более полным и системным. В наибольшей степени потенциал указанных конструкций может быть реализован в ходе уголовно-правовой кодификации (в меньшей - в рамках текущего регулирования). При этом на положительный эффект можно рассчитывать, лишь обеспечив тесное взаимодействие уголовно-правовых конструкций с другими компонентами техники построения уголовного законодательства (языковыми средствами, методикой структуризации уголовного закона и др.).

11. И с позиций законодательной техники, и с точки зрения существа необходимо сконструировать и разместить в Особенной части УК составы злостного уклонения от отбывания наказаний: штрафа и лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (в ст. 311¹), обязательных и исправительных работ (в ст. 311²), ограничения свободы (в ст. 312¹). Соответственно, подлежат исключению из УК ч. 5 ст. 46, ч. 3 ст. 49, ч. 3 ст. 50 и ч. 4 ст. 53. Состав побега необходимо изменить, дополнив ч. 1 ст. 313 УК указанием на побег из арестного дома и дисциплинарной воинской части.

Теоретическая и практическая значимость исследования. *Теоретическое значение* подготовленной диссертации состоит в том, что сформулированные в ней положения могут использоваться в ходе разработки теоретических проблем уголовного права (касающихся, к примеру, уголовного правотворчества). *Практическое значение* диссертации проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, и это главное, ее результаты могут быть применены в процессе совершенствования уголовного законодательства (в том числе, в ходе будущих уголовно-правовых кодификаций): при конструировании составов преступлений, регламентации обстоятельств, исключающих преступность деяния, наказаний, оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания. Качество действующего УК доказывает, что законодательные органы испытывают нужду в таких научных рекомендациях. Во-вторых, рассмотрение уголовного закона в контексте его конструирования немаловажно для практикующих юристов, поскольку облегчает уяснение смысла уголовно-правовых предписаний. Знание законодательно-технических компонентов по-

зволяет, говоря словами С.С. Алексеева, осуществить «обратный перевод» УК, расшифровать волю законодателя. Наконец, содержащиеся в работе выводы и предложения могут оказаться полезными в учебном процессе: при проведении лекционных и практических занятий со студентами по уголовному праву и другим правовым дисциплинам.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации отражены автором в 15 публикациях (общим объемом более 5 п. л.).

Результаты исследования докладывались и обсуждались на международных, всероссийских и региональных научных и научно-практических конференциях. В частности, на: научной конференции, посвященной 50-летию принятия Всеобщей декларации прав человека (Казань, 1999), научно-практической конференции «Становление и развитие научных школ права в государственных университетах России» (Санкт-Петербург, 2000), двух научно-практических конференциях, посвященных творчеству молодых ученых (Пермь, 1999 и 2000) и пяти научных конференциях аспирантов и студентов Ярославского госуниверситета (1998 – 2000).

Положения, содержащиеся в диссертации, апробированы автором и в учебном процессе - при чтении лекций и проведении практических занятий по уголовному (Общей и Особенной части) и уголовно-исполнительному праву (2000-2003 г.г.).

Структура диссертации определяется целями и задачами исследования и включает в себя введение, три главы, каждая из которых содержит три параграфа, заключение и список библиографических источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновываются выбор темы, ее актуальность, определяются цель, задачи, объект, предмет и значимость исследования, рассматриваются теоретическая, нормативная и эмпирическая основы работы, раскрывается ее научная новизна, а также приводятся данные об апробации результатов исследования.

В **первой главе «Техника построения уголовного законодательства»** комплексно исследуется законодательная техника, используемая при создании уголовного законодательства. В **параграфе первом** рассматриваются различные воззрения на законодательную технику, начиная со взглядов пионера в этой области Иеремии Бентама и заканчивая современными разработками.

Обосновывается необходимость придерживаться узкого ее понимания как инструментария, к которому прибегает законодатель в процессе непосредственной выработки нормативно-правовых предписаний. Соответственно, не разделяется широкий подход, сторонники которого в законодательную технику включают либо организационно-процедурные правила правотворческой деятельности (правила рассмотрения и обсуждения законопроектов и т.п.), либо существенные компоненты законодательной деятельности (выявление потребности в правовом регулировании и пр.), либо то и другое. Такой подход ведет к растворению исследуемого понятия в понятии правотворчества. В то же время неприемлемой представляется и иная позиция (господствующая среди приверженцев узкого понимания), сводящая законодательную технику к внешнему оформлению содержания правовых норм. Дело в том, что в правотворчестве при внимательном его рассмотрении обнаруживается процесс, состоящий в определении *существа* правовых предписаний (*формирование законодательной воли*). Формируя свою волю, законодатель опирается на политические, экономические, социологические и т.п. факторы. И уже при помощи законодательно-технических операций эта воля опосредуется в содержании и форме права. Таким образом, законодательная техника не имеет отношения к ядру правового содержания - сущности права, но имеет таковое к технической проработке содержания. К примеру, сегодня по воле законодателя умышленные преступления должны наказываться строже неосторожных. Задача законодательной техники - последовательно провести в законе (его содержании и форме) задуманную линию, будь она справедливой или несправедливой. Отступления в действующем УК от этого пути и есть результат недоработок законодательной техники. Например, уничтожение чужого имущества с умышленным причинением крупного ущерба наказывается сегодня по ч. 1 ст. 167 УК, а то же деяние, повлекшее крупный ущерб по неосторожности - по ч. 2 ст. 167, т. е. суровее. Причина - во внутренней противоречивости (положений ч. 1 и ч. 2 данной статьи), которой при надлежащем согласовании основного и квалифицированного составов *в ходе выработки их правового содержания* можно было избежать (чтобы сделать это сейчас, достаточно исключить из текста ч. 2 ст. 167 слова «по неосторожности»).

Законодательную технику, которая отвечает всем признакам системного образования, можно подразделить на две подсистемы: внутреннюю и внешнюю. *Внутренняя законодательная техника* задействуется при создании со-

держания (повторим, за исключением его сущности) и структуры права. *Внешняя законодательная техника* решает, соответственно, вопросы внешнего оформления правовых предписаний (их языкового выражения, месторасположения в нормативном акте и т.п.).

На основе анализа всего многообразия проявлений законодательной техники делается вывод, что ее *первичными* компонентами являются *средства, приемы и правила*. Средства - это *suū generis* нематериальные инструменты законодателя, например юридические конструкции, термины. Приемы исследуемой техники суть способы построения нормативных предписаний, в том числе соединенные с использованием определенного средства (приемы примечания, дефиниции, непосредственно-определенный и ссылочный приемы). Как прием следует квалифицировать и применение технического средства (например, способы использования языковых единиц). Правила законодательной техники регулируют использование ее средств и приемов. Поскольку они носят зависимый от средств и приемов характер, постольку технические средства и приемы выступают *основными* первичными компонентами, а правила - *производными*. Средства, приемы и правила являются *первичными* компонентами в содержании законодательной техники (ее «клетками», «кирпичиками»). В то же время отдельные из них, связанные между собой, могут образовывать и более крупные единицы - *методики*, т.е. *вторичные* компоненты (*методики* построения санкции и языкового выражения нормативных предписаний, *методики* структуризации нормативного акта).

Второй параграф начинается с выяснения того, что считать объектом приложения данной техники. В результате поддерживается мнение о том, что сегодня замыкать круг источников уголовного права РФ только УК безосновательно. Обращается внимание, что необходимо различать понятия источника *уголовного права* (в формальном смысле) и источника (составляющей) *уголовного законодательства*. Источником уголовного права выступает любой нормативный акт, содержащий уголовно-правовые предписания. И данный акт может как входить, так и не входить в уголовное законодательство. Так, некоторые уголовно-правовые предписания УИК позволяют отнести этот акт к источникам уголовного права. Однако УИК является составляющей уголовно-исполнительного, а не уголовного законодательства.

Конституция РФ не может быть отнесена к источникам уголовного права, так как она не содержит ни одного уголовно-правового предписания. Те из

ее предписаний, которые «имеют выход» на уголовное право (о смертной казни, праве не свидетельствовать против себя самого и др.), носят конституционно-правовой характер, поскольку решение таких базовых вопросов входит в предмет конституционного права. Международные акты, содержащие уголовно-правовые предписания, также не являются источниками уголовного права РФ, поскольку относятся к международному, а не национальному, праву.

Отмечается небесспорность мнения о том, что бланкетные нормы уголовного права включают в свое содержание предписания других отраслей права. Открытость бланка уголовно-правовой нормы как раз и означает, что законодатель не посмел вмешиваться в сферу регулирования иной отрасли права. Следовательно, применение бланкетной нормы уголовного права лишь предполагает анализ норм иных отраслей права, но не их включение в данную норму.

Нацеленность законодателя на полную кодификацию уголовно-правовых предписаний, отраженная в ч.1 ст. 1 УК, заслуживает поддержки. Это означает, что должна быть подвергнута серьезной критике законодательная практика, при которой уголовно-правовые предписания включаются в акты иной отрасли законодательства (УПК, УИК, комплексные законы и т.д.). Их, как и уголовно-правовые предписания союзных актов, не утративших своей силы, необходимо переместить в УК.

Анализ УК «высвечивает» и в нем предписания иной отраслевой принадлежности. Примечания 2 и 3 к ст. 201, в частности, регламентируют особый порядок уголовного преследования, что является, естественно, вопросом уголовного процесса, а не права. Поскольку в УК должны объединяться нормы с общим предметом регулирования, постольку делается вывод о недопустимости размещения в УК этого и других предписаний неуголовно-правовой принадлежности.

От объекта приложения техники построения уголовного законодательства автор переходит к выяснению вопроса о круге ее компонентов. Во внутренней технике вычленяется прежде всего методика системного построения уголовного права (ее цель - выработка структуры данной отрасли права). Она включает на правах приемов построение по типу уголовно-правовой нормы и группировку создаваемых норм, регулирующих однородные общественные отношения, в институты. Кроме того, во внутренней технике нужно выделить методику построения состава преступления и методику построения санкции за

совершение данного преступления. Обособление данных методик продиктовано тем, что большая часть уголовно-правовых норм определяет виды преступлений (со всевозможными разновидностями) и наказания за их совершение. Во внутренней технике резонно выделять также методику, образуемую совокупностью логических и логико-юридических средств, приемов и правил. Немаловажная роль в данной методике отводится приемам классификации и определения. Дефиниции обычно рассматривают в контексте внешнего оформления права, что вызывает сомнение, поскольку данный прием применяется в ходе разработки содержания права (с его помощью определяются *понятия*). Внешнее же выражение образованной дефиниции подчиняется обычным правилам законодательной лингвистики.

Во внешней технике построения уголовного законодательства прежде всего следует выделить методику языкового оформления уголовно-правовых предписаний и методику структуризации уголовного закона. При изучении рубрикации нормативных актов некоторые исследователи правомерно говорят о необходимости правильного расположения нормативного материала. Поскольку данный процесс имеет свои закономерности, постольку во внешней технике вычленяется еще и методика размещения уголовно-правового материала.

В параграфе третьем анализируются компоненты, которые тесно взаимодействуют с уголовно-правовыми конструкциями (построение по типу уголовно-правовой нормы и три методики, образующие внешнюю технику). Без рассмотрения этих технических компонентов было бы весьма затруднительно делать какие-либо выводы о роли уголовно-правовых конструкций в построении уголовного законодательства.

Развивается мысль, что теория двухэлементной нормы имеет больше оснований считаться логической, нежели так называемая концепция логической трехэлементной нормы. Дело в том, что гипотеза и диспозиция, образуя самостоятельный регулятор *правомерного* поведения, логически с санкцией не связаны (ибо последняя рассчитана на факт *правонарушения*). Соответственно, строя «уголовно-правовое здание», законодатель должен мыслить формулами «если-то». Обосновывается взгляд, что уголовный закон содержит не только охранительные нормы (предусматривающие наказания за преступления), но и прямо не выраженные в его тексте регулятивные нормы, запрещающие эти преступления совершать. Содержание уголовного права к этим двум видам

норм не сводится. Основная задача уголовного права - предупреждать преступления (запрещая их совершение) и наказывать лиц, нарушивших запрет (общее правило). Однако данное правило знает немало изъятий - исключение ответственности, освобождение от нее и от наказания. Нормы, закрепляющие эти исключения, предложено именовать исключительными (их разновидностью выступают поощрительные). В своей совокупности регулятивные, охранительные и исключительные нормы исчерпывают объем понятия «норма уголовного права».

Рассматривая элементарные места «дислокации» уголовно-правовых предписаний - статьи и примечания - делается важный вывод о том, что *законодатель должен стремиться выражать уголовно-правовые предписания преимущественно в статьях*. Примечания необходимо задействовать в порядке исключения (например, для регламентации специальных видов освобождения от уголовной ответственности). К сожалению, в УК 1996 г. законодатель не всегда удачно использовал данный прием. Так, из 16 примечаний гл. 22 УК 14 посвящено определению размеров (крупного, особо крупного и т.д.). Думается, что с позиции законодательной техники признаки точного значения необходимо было поместить в диспозиции самих статей. Это отвечает принципу лексической экономии, позволяет очертить границы преступного в самой статье, а не в примечании, которое воспринимается многими гражданами как нечто второстепенное и имеет другие недостатки. Отсюда, предлагается осуществить означенную операцию сегодня. К примеру, ч. 1 ст. 200 УК целесообразно изложить таким образом: «Обмеривание... (тот же текст), если эти деяния причинили потребителям ущерб в сумме, превышающей одну десятую часть минимального размера оплаты труда». Аналогичным способом нужно скорректировать и иные статьи Кодекса, исключив корреспондирующие им примечания.

Формулируется общее правило о том, что в одной статье УК законодатель должен обрисовывать один вид преступления (включая его разновидности). В УК нередки неоправданные отступления от данного правила (ч. 2 ст. 176 и ст. 180, ч. 3 ст. 183, ч. 3 и ч. 4 ст. 184, ч. 2 ст. 195 и т.д.).

В главе второй «Понятие уголовно-правовых конструкций» рассматриваются признаки юридических конструкций, дается определение понятия уголовно-правовой конструкции и решаются вопросы разграничения данных понятий со сходными категориями.

Параграф первый открывается анализом воззрений Р. Иеринга, который первым из ученых поставил вопрос о юридических конструкциях. Последние он охарактеризовал как особый прием освоения (познания) правового материала. О возможности их использования в законодательной деятельности немецким ученым не упоминалось, что, однако, не помешало ему выявить главную идею, лежащую в основе любой юридической конструкции - наличие общих структурных элементов в каких-либо правовых феноменах. Данную идею в последующем развил Н.М. Коркунов, оценив юридическую конструкцию в качестве общего приема научного исследования (а не приема юридической техники).

Разработки данных ученых явились важным шагом на пути изучения юридических конструкций, поскольку именно на их основе А.Ф. Черданцевым и были вычленены наиболее существенные аспекты понятия указанных конструкций. Уральским ученым был сделан «исторический» шаг - перенос идеи существования общей структуры однородных правовых явлений в законодательно-техническую плоскость. С этих пор юридические конструкции традиционно рассматриваются в главах учебников, посвященных законодательной технике (либо юридической, когда она понимается узко, т.е. ограничивается рамками правотворчества). Кроме того, А.Ф. Черданцев обосновал мнение (представляющееся верным) о том, что юридические конструкции обладают свойствами моделей. Из этого следует, что не могут считаться юридическими конструкциями образования, отражающие элементарные правовые явления.

Однако на первый план им выдвигается познавательная функция данных конструкций (и лишь затем говорится об их роли как средства юридической техники). Думается, что акценты необходимо расставлять иначе, поскольку обращение к юридическим конструкциям в ходе правотворчества и является основанием их последующего применения в качестве средства познания (толкования) законоположений. Отсюда основной, генеральной функцией уголовно-правовых конструкций, в которой раскрывается их роль и предназначение, должна считаться правотворческая. Интерпретационная функция носит производный от нее характер.

В параграфе втором познаются и определяются конститутивные черты уголовно-правовых конструкций. Делается это на примере состава преступления в значении юридической конструкции. Чтобы не создавать терминологической путаницы, данный состав предложено именовать уголовно-правовой

конструкцией преступления. Последняя состоит из элементов, традиционно изучаемых в общем учении о составе преступления: «деяние», «последствия», «причинная связь», «способ», «средства», «орудия», «место», «время», «обстановка», «вина», «мотив», «цель», «эмоции» и т.д. Данные элементы пусты, поскольку не заключают в себе никакого информационного заряда (они играют роль ярлыков). При регламентации соответствующего состава преступления законодатель отбирает необходимые ему элементы конструкции преступления, а после наполняет их юридически значимой информацией. Так, при обрисовке нарушения правил охраны труда, повлекшего причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью человека (ч. 1 ст. 143 УК), законодатель задействовал, среди прочих, такие элементы, как «деяние», «причинная связь», «последствия», «вина», «специальный субъект». А затем наполнил их правовым содержанием: в диспозиции ч. 1 ст. 143 говорится соответственно о нарушении правил охраны труда, повлекшем причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью человека, совершенном по неосторожности лицом, на котором лежали обязанности по соблюдению этих правил. Можно видеть, что уголовно-правовые конструкции выступают своего рода каркасами, которые в ходе правотворческого процесса обрастают юридически значимой информацией.

Рассматриваемые конструкции могут включать и такие элементы, которые вообще не присущи определенной разновидности моделируемых явлений. Скажем, неосторожные преступления, совершаемые без определенной цели, также строятся на базе конструкции, включающей элемент «цель». Значит, уголовно-правовая конструкция является отражением структуры не отдельно взятого явления, а их *группы*. При этом данные явления характеризуются однородностью, общностью структурных частей (хотя, не обязательно и всех). Уголовно-правовая конструкция, в итоге, выступает формой отражения однотипных (однородных) структурных явлений. Из этого следует, что такая конструкция не может создаваться для регламентации единичного явления, каким бы сложным оно не было. К примеру, неоконченного преступления, эксцесса исполнителя или порядка определения сроков наказаний при их сложении.

Делается вывод, что *уголовно-правовая конструкция есть средство внутренней законодательной техники, представляющее собой структурную модель группы однородных правовых явлений, определенную комбинацию элементов которой законодатель наполняет юридически значимой информацией,*

регламентируя тем самым в уголовном законодательстве соответствующую разновидность данных явлений.

Формулируется правило использования уголовно-правовой конструкции: *при регламентации определенного жизненного явления, правотворец обязан рассмотреть вопрос о включении или невключении отдельного ее элемента в законодательную конструкцию оформляемого явления.* Соблюдение данного правила призвано содействовать последовательной и беспробельной регламентации соответствующего явления в законе. Приведенные определение и правило вполне пригодны, как представляется, для нужд иных (помимо уголовного права) отраслевых дисциплин.

Созданные на базе уголовно-правовой конструкции образования - результаты конструирования - также являются конструкциями. Чтобы избежать полисемии термина «уголовно-правовая конструкция» и неопределенности в научных рассуждениях, их предлагается именовать законодательными или нормативными конструкциями (построениями).

Процесс использования уголовно-правовой конструкции включает два этапа: на первом законодатель отбирает интересующие его элементы, а на втором - наполняет их содержанием. Результатом ошибок на первом этапе являются «переборы» и «недоборы» элементов в создаваемых нормативных построениях. Ошибки на втором этапе касаются неточностей в применении языковых средств (элементы уголовно-правовой конструкции, наполняемые одинаковым правовым содержанием, должны получать единообразное выражение).

«Недобор» означает, что законодатель не принял во внимание какой-то элемент уголовно-правовой конструкции. Например, сейчас недоукомплектованы законодательные конструкции наказаний в виде штрафа и исправительных работ, поскольку в них отсутствует элемент, указывающий на субъекта, который подлежит наказанию. Примером «перебора», т.е. излишнего задействования элемента уголовно-правовой конструкции, может служить «способ» в составах налоговых преступлений.

В рамках правотворческой функции уголовно-правовых конструкций следует разграничивать три подфункции: 1) правообразующую; 2) правоизменяющую и 3) правопрекращающую. Ведущей, безусловно, является первая подфункция, которая связана с собственно правообразованием - расширением сферы уголовно-правового регулирования, регламентацией в уголовном зако-

нодательстве новых составов преступлений, обстоятельств, исключающих преступность деяния, и наказаний, новых видов освобождения от уголовной ответственности и наказания. Учитывая, что основной массив уголовно-правовых предписаний сконцентрирован в УК, в наибольшей мере рассматриваемые конструкции могут быть задействованы в ходе уголовно-правовой кодификации. Именно в этот период появляется возможность максимально реализовать их потенциал (с тем, чтобы внести единообразие и полноту в уголовно-правовое регулирование, усилить внутрисистемные и логические связи предписаний Кодекса).

В параграфе третьем вычленены следующие две группы образований, которые следует отличать от уголовно-правовых конструкций.

I. Образования, не относящиеся к области законодательной техники. Они подразделяются на две подгруппы: 1) Теории, понятия, воззрения и тому подобные неконструктивные явления. Рассмотрение данных образований в качестве юридических конструкций неверно, поскольку при этом игнорируется и законодательно-техническая «родословная» рассматриваемого явления, и его конструктивная природа. 2) Законодательные конструкции: а) построенные на базе уголовно-правовых конструкций и б) сконструированные без их применения. К первым относятся, к примеру, составы преступлений, конструкции видов наказаний (штрафа, обязательных работ, ареста и др.), конструкции видов освобождения от уголовной ответственности (общих и специальных). Ко вторым принадлежат уголовно-правовые нормы, законодательные конструкции видов преступных групп (ст. 35 УК), санкции статей Особенной части и некоторые другие нормативные построения. Поскольку они представляют собой *результаты правотворчества* (фрагменты «готового» права), постольку средствами законодательной техники, а, следовательно, и уголовно-правовыми конструкциями, они не являются.

II. Законодательно-технические компоненты. Здесь в первую очередь обращается внимание на «типы санкций», представляющие собой комбинации различных видов санкций (простая, альтернативная, относительно-определенная; кумулятивная, единичная, относительно-определенная; и т.д.). Основной разграничительной линией между уголовно-правовыми конструкциями и типами санкций является то, что последние «не дотягивают» до уровня моделей. Сложными образованиями, объективно нуждающимися в моделировании посредством юридической конструкции, выступают виды наказаний.

Типы же санкций лишь отсылают к видам наказаний и, разумеется, даже различные комбинации таких «отсылок» сами по себе моделями не являются.

В науке высказано мнение о том, к юридическим конструкциям относятся способы построения статьи Особенной части УК (диспозиция предшествует санкции; санкция предшествует диспозиции) и способы «построения» диспозиции («наказывается лицо»; «наказывается преступление»). Очевидно, однако, что данные компоненты не отражают на структурном уровне определенные правовые явления, что свойственно юридическим конструкциям. В законодательную же технику они, действительно, входят (первый - в методику размещения уголовно-правового материала, а второй - в методику языкового оформления). Второй компонент может быть назван *грамматической* конструкцией (так как представляет собой устоявшийся грамматический оборот). Трудно согласиться с предложением отказаться от принятой ныне формулы «наказывается преступление», поскольку она кратко и отнюдь недвусмысленно выражает законодательную мысль (вряд ли найдется человек, который, прочитав Особенную часть УК, назовет субъектом, подлежащим наказанию, преступление).

В главе третьей «Виды уголовно-правовых конструкций» производится деление уголовно-правовых конструкций и рассматривается каждый их вид. **Первый параграф** открывает анализ единичных в науке классификаций юридических конструкций. Не разделяется взгляд о существовании нормативных и теоретических юридических конструкций, ибо любая юридическая конструкция, выступая средством законодательной техники, в той или иной мере находит выражение в законодательстве.

В дальнейшем обосновывается тезис, что ключевым критерием деления уголовно-правовых конструкций выступает объект, который они отражают, т.е. определенная группа явлений. Взяв за основу этот критерий, проанализировав закон и найдя «следы» сознательного или интуитивного их использования законодателем, автор пришел к выводу, что применительно к действующему УК возможно говорить о пяти видах уголовно-правовых конструкций: 1) преступления; 2) деяния, совершенного при обстоятельствах, исключающих его преступность; 3) наказания; 4) освобождения от уголовной ответственности и 5) освобождения от наказания.

В параграфе втором идет речь об уголовно-правовой конструкции преступления. Рассмотрение данного вопроса неизбежно вывело автора на ряд

спорных вопросов учения о составе преступления. Высказывается мысль, что определение состава преступления в качестве совокупности установленных уголовным законом признаков, характеризующих общественно опасное деяние в качестве преступления, не позволяет, как этого требует формальная логика, выделить определяемый предмет и отличить его от других предметов (поскольку не ясно, в качестве *какого именно* преступления состав характеризует деяние). Кроме того, такое определение пригодно лишь применительно к основному составу преступления, совокупность признаков которого вполне достаточна для отнесения соответствующего деяния к преступлениям. Все это приводит к выводу, что совокупность признаков состава позволяет оценить деяние не как преступное вообще, а как *определенное* преступление. Представляется, что границы *определенного* преступления очерчены частью статьи или неделимой на части статьей УК. Так, самостоятельными составами преступления выступают как основной (ч. 1 ст. 105) и квалифицированный (ч. 2 ст. 105) составы убийства, так и состав доведения до самоубийства (ст. 110 УК). В пользу такого понимания рамок состава преступления говорит тот факт, что именно данные структурные единицы УК содержат самостоятельную санкцию. Санкция же строится (или должна строиться) в зависимости от того, запрет совершения *какого* преступления она подкрепляет.

Конструируя состав *определенного* преступления, законодатель отбирает нужные ему элементы и наполняет их информацией. Так называемые обязательные элементы а priori попадают в конструируемый состав, а потому главной задачей является их текстуальное выражение. К сожалению, УК 1996 г. в этом плане страдает дефектами. В частности, в ряде составов неясно выражен элемент «вина» (ст. 215, 217, 225, 246-248, 250, 250, 252 и др.). Выход из такого неприемлемого положения (ведь из-за размытости границ преступного нарушается принцип законности) видится в укреплении системных связей статей Особенной части с ч. 2 ст. 24 УК. По смыслу последней, если в статье не указана форма вины, то преступление может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности (сегодня такое толкование применительно к отдельным составам не всегда работает). Следовательно, в тех составах, которые, по мнению законодателя, допускают в качестве альтернативы две формы вины, нет необходимости описывать данный элемент уголовно-правовой конструкции преступления. В остальных случаях, когда необходимо отступление от этого общего правила, законодатель должен указывать на соответствующую форму

(а, возможно, и вид) вины: прямо либо косвенно (посредством употребления соответствующих терминов: «заведомость», «недобросовестность» и т.п.).

Определенная комбинация элементов уголовно-правовой конструкции преступления образует законодательную конструкцию соответствующего состава преступления. В ходе правотворчества сложились типичные законодательные конструкции (типы) составов - формальный, материальный и формально-материальный. Выделение формально-материального по своей конструкции типа состава объясняется тем, что *определенное* преступление может включать разновидности, одни из которых описаны в законе с указанием на последствия, а другие - нет. К примеру, одна разновидность состава мошенничества (хищение) описана материально, а другая (приобретение права на чужое имущество) - формально. Формально-материальную конструкцию имеют также деликты, закрепленные в ч. 1 - 3 ст. 180, ч. 3 ст. 206 и 211, и т.п.

Изучение УК показало, что он содержит составы: формальных - 51 %, материальных - 38, 5 %, формально-материальных - 10, 5 %. *Основными* законодательными конструкциями, таким образом, выступают формальный и материальный составы. Еще рано говорить о системном подходе законодателя к выбору одного из этих типов, поскольку не единичны случаи, когда им подобрана неоптимальная конструкция для регламентации соответствующего преступления. Так, для ряда преступлений с материальным составом предпочтительнее представлялась формальная конструкция (ч. 1 и ч. 2 ст. 136, ч. 1 и ч. 2 ст. 137, ст. 140 и др.). И, наоборот, в ряде случаев напрашивалась, как полагаем, конструкция материального состава. В гл. 22 УК, в частности, 68, 5 % составов сконструированы как формальные, 17% - как материальные и 14, 5 % - как формально-материальные. Даже на первый взгляд обоснованность таких пропорций не может не вызывать сомнений (ведь речь идет, по сути дела, о трансформации в преступления нарушений норм иных отраслей права).

Законодатель должен стремиться описывать состав, за исключением его общих элементов, в диспозиции статьи Особенной части УК. В Кодексе встречаются труднообъяснимые отступления от данного требования. Так, субъект преступлений, предусмотренных ст. 308 и 316, частично обрисован в примечаниях к данным статьям, хотя лучше было это сделать в диспозициях этих статей. Ст. 308, например, можно было изложить следующим образом: «Отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний, за исключением случаев отказа от показаний против себя самого, своего супруга или близких родственни-

ков». Аналогичным образом предпочтительнее было выразить и диспозицию ст. 316 УК.

В третьем параграфе дается общая характеристика остальных четырех видов уголовно-правовых конструкций, определяются структурные элементы каждой из них и на этой основе выявляются погрешности действующего уголовного закона.

Так, уголовно-правовая конструкция наказания включает, среди прочих, такие элементы, как «преступления, за которые возможно применение наказания», «субъект, подлежащий наказанию», «способ применения», «характер ограничений или лишений прав», «пределы наказания» (минимум и максимум его срока или размера), «факторы, учитываемые при назначении наказания», «основание замены другим наказанием», «виды заменяющих наказаний», «порядок перерасчета наказания при его замене».

Последние три элемента предназначены для регламентации порядка замены одного наказания другим в случае уклонения от его отбывания. Применительно к четырем видам наказаний эти элементы выражены в ч. 5 ст. 46, ч. 3 ст. 49 и ст. 50 и ч. 4 ст. 53 УК. Последствия уклонения осужденного от отбывания конфискации имущества, срочного и пожизненного лишения свободы регламентированы, соответственно, в ч. 2 ст. 312 и ст. 313 УК. Таким образом, уклонение от отбывания шести видов наказаний не карается уголовным законом. Думается, что применительно к «лишению званий, чинов и наград», ограничению по военной службе и смертной казни данная позиция законодателя оправданна. Отсутствие же соответствующих элементов в законодательных конструкциях «лишения права», ареста и содержания в дисциплинарной воинской части является очевидным пробелом уголовного закона (которого, заметим, можно было избежать, если бы законодатель опирался на уголовно-правовую конструкцию наказания).

Данный пробел необходимо ликвидировать, но не путем дополнения ст. 47, 54 и 55 УК, а путем конструирования самостоятельных составов уклонения от отбывания наказаний (как это сделано, в частности, в УК Беларуси, Украины, Испании). Дело в том, что замена одного наказания другим является по существу назначением нового наказания, а факт уклонения - соответственно, новым преступлением. И такого рода вопросы должны по определению регулироваться Особенной частью УК (тем более что в отношении отдельных наказаний законодатель так и поступил). Данный шаг целесообразно сделать и с

позиции существа вопроса, ведь только после приобретения уклонением статуса преступления будут обеспечены надлежащие уголовно-процессуальные гарантии (сейчас же «уклонистов» наказывают в весьма упрощенном порядке).

В силу приведенных соображений обосновывается необходимость трансформации в составы преступлений уклонения не только от трех упомянутых наказаний, но и от наказаний, которые содержат «механизм замены» в Общей части. В результате предлагается сконструировать и разместить в Особенной части УК составы злостного уклонения от отбывания наказаний: штрафа и лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (в ст. 311¹), обязательных и исправительных работ (в ст. 311²), ограничения свободы (в ст. 312¹). Соответственно, подлежат исключению из УК ч. 5 ст. 46, ч. 3 ст. 49 и ст. 50, ч. 4 ст. 53. Состав побега, в свою очередь, должен быть изменен путем дополнения ч. 1 ст. 313 УК указанием на побег из арестного дома и дисциплинарной воинской части.

При реализации данного предложения три последние элемента конструкции наказания будут автоматически реконструированы в один - «последствия уклонения от наказания». Данный элемент призван напомнить законодателю, регламентирующему определенный вид наказания, о возможной необходимости отражения в Особенной части УК последствий злостного уклонения от его отбывания.

В сходном ключе в диссертации рассматриваются и другие виды уголовно-правовых конструкций. На приведенных выше и других примерах показывается, что их осознанное применение позволяет более полно и системно регламентировать соответствующие явления в уголовном законе.

В **Заключении** работы кратко излагаются основные выводы диссертационного исследования и формулируются предложения по совершенствованию уголовного законодательства.

Основные положения диссертации опубликованы в следующих работах автора:

1. Состав преступления как юридическая конструкция // Юридическая техника и проблемы дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе: Сб. науч. статей / Под ред. Л.Л. Кругликова. Ярославль, 1999. 0, 5 п. л.
2. Уголовно-правовые конструкции и язык уголовного закона // Нормотворческая и правоприменительная техника в уголовном и уголовно-процессуальном праве: Сб. науч. статей / Под ред. Л.Л. Кругликова. Ярославль, 2000. 0,5 п. л.

3. Понятие техники построения уголовного законодательства // Дифференциация ответственности и вопросы юридической техники в уголовном праве и процессе: Сб. науч. статей / Под ред. Л.Л. Кругликова. Ярославль, 2001. 0, 5 п. л.

4. Вопросы конструирования составов налоговых преступлений // Налоговые и иные экономические преступления. Сб. науч. статей. Вып. 1 / Под ред. Л.Л. Кругликова. Ярославль, 2000. 0, 75 п. л.

5. Использование уголовно-правовых конструкций и приема примечания при регламентации экономических преступлений // Налоговые и иные экономические преступления. Сб. науч. статей. Вып. 2 / Под ред. Л.Л. Кругликова. Ярославль, 2000. 0,7 п. л.

6. О совершенствовании ст. 167 УК и практики ее применения // Налоговые и иные экономические преступления. Сб. науч. статей. Вып. 5 / Под ред. Л.Л. Кругликова. Ярославль, 2000. 0, 5 п. л.

7. Юридические конструкции в уголовном праве // Становление и развитие научных школ права в государственных университетах России: Всероссийская студенческая науч.-практ. конференция. СПб., 1999. 0, 25 п. л.

8. Место юридических конструкций в содержании законодательной техники // Сборник тезисов аспирантской конференции юридического ф-та ЯрГУ им. П.Г. Демидова. Ярославль, 2001. 0,1 п. л.

9. О правотворческой функции уголовно-правовых конструкций // Юрид. записки молодых ученых и аспирантов ЯрГУ: Сб. статей. Ярославль, 2002. 0, 3 п. л.

10. Регламентация освобождения от уголовной ответственности в УК РФ: вопросы законодательной техники // Студенты и развитие юридической науки: Тезисы студ. науч.-практ. конференции (Пермь, апр. 2000). Пермь, 2002. 0, 2 п. л.

11. Некоторые вопросы правовой регламентации защиты прав и свобод человека нормами гл. 19 УК РФ // Права человека в современном мире. Всероссийская студ. науч. конференция (тезисы докладов). К 50-летию принятия Всеобщей декларации прав человека. Казань, 1999. 0, 25 п. л.

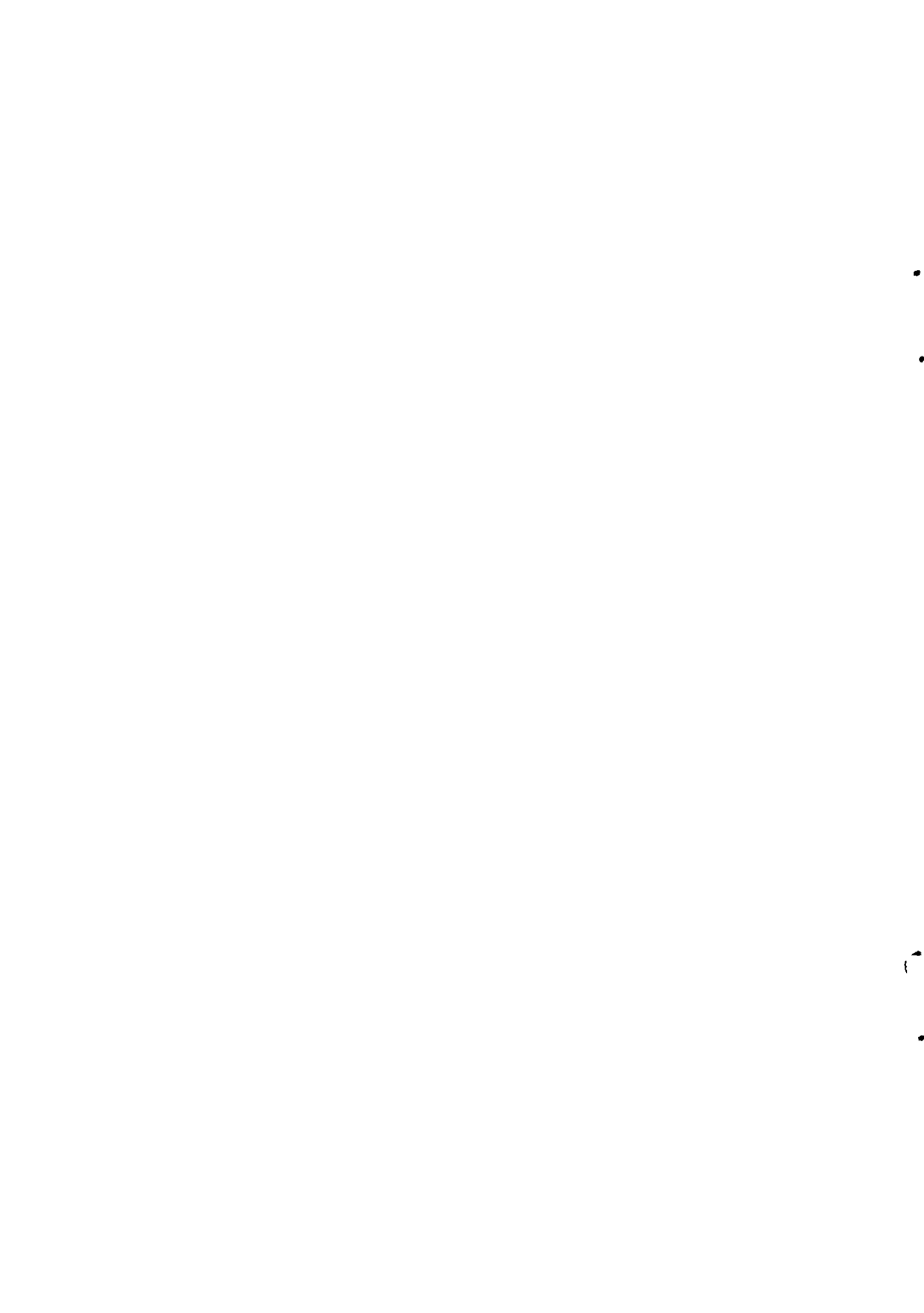
12. Тяжкие последствия как квалифицирующий признак // Актуальные проблемы правообразования: Сб. тезисов науч. студ. конференции юрид. факультета ЯрГУ. Ярославль, 1999. 0, 1 п. л.

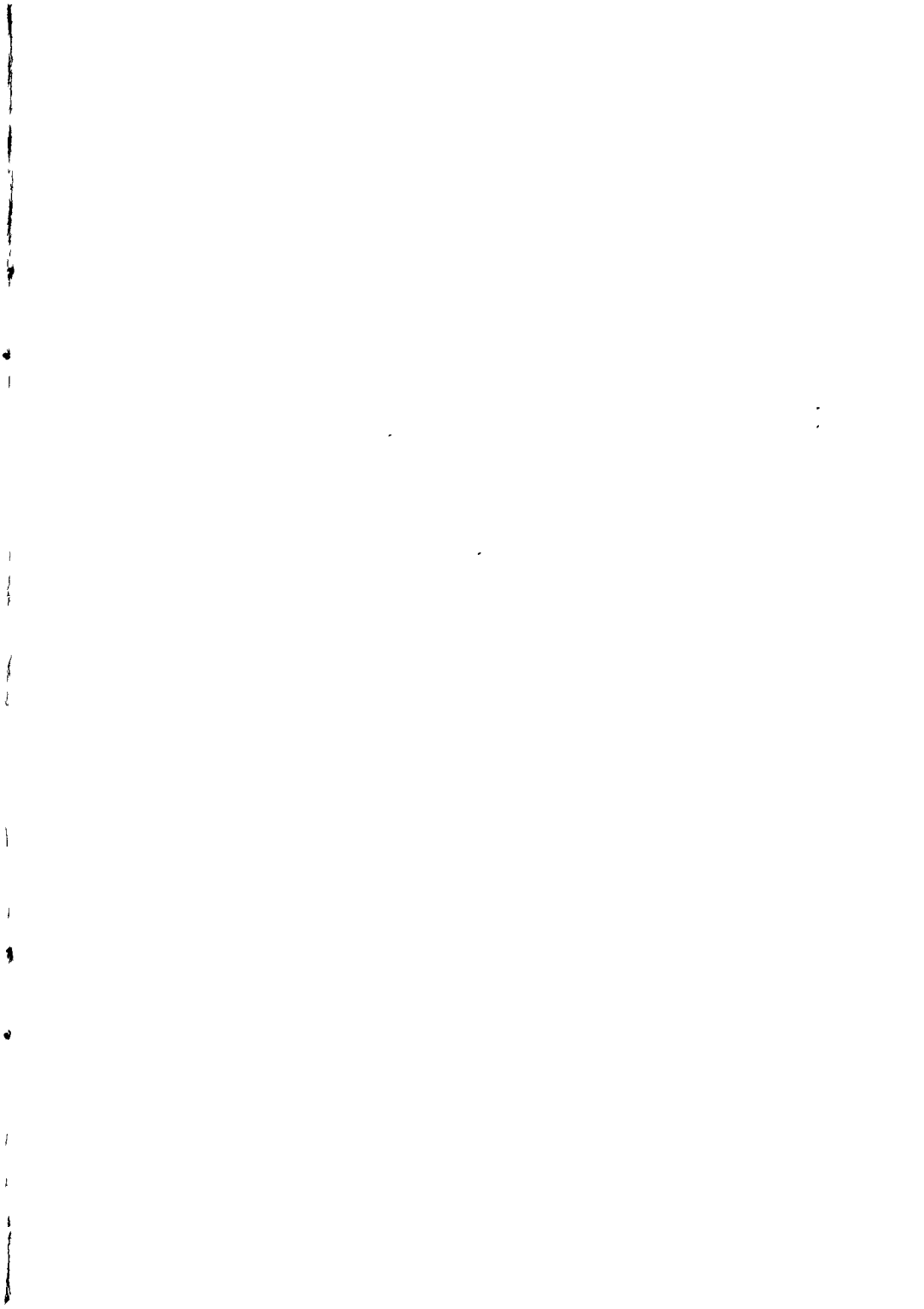
13. О специальных видах освобождения от уголовной ответственности (юридико-технический аспект) // Актуальные проблемы правообразования: Сб. тезисов науч. студ. конференции юрид. факультета ЯрГУ. Вып. 2. Ярославль, 2000. 0, 1 п. л.

14. Деятельность прокуратуры по защите прав человека // Социальная защита: проблемы и пути их разрешения. Статьи и выступления участников Российского теоретического семинара. Ярославль, 28-29 октября. Т. II. М., 1996. 0, 15 п. л.

15. Рецензия на книгу: «Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. Самара: Самар. гос. ун-т, 2001. 244 с.» // Российский юридический журнал. 2002. № 3. 0, 4 п. л. (в соавт.).

Печ. л. 1. Заказ 13 Тираж 125
Отпечатано в типографии Ярославского
государственного технического университета
г. Ярославль, ул. Советская, 14 а, тел. 30-56-63

РНБ Русский фонд

2005-4

31463

Уч.
Томский
университет,
Томск